

Едва добравшись до машины, Фу Сюнь первым делом набрал номер матери.

Трубку сняли почти мгновенно. Не успел он вымолвить и слова, как в динамике раздался взволнованный голос:

— Сяо Сюнь, ты где?! С твоим вторым дядей беда приключилась. Ты не мог бы сначала заехать к нему, проверить, как они там?

Фу Сюнь ответил не сразу, его голос звучал пугающе ровно:

— Что случилось? У них же полный дом народу, разве их положение не лучше твоего?

Фу Сюнь никогда не питал нежных чувств к родне. После всего, что ему довелось пережить в прошлой жизни, он слишком хорошо изучил уродливые грани человеческого эгоизма. К тому же старые обиды из детства, когда родственники не упускали случая побольнее уколоть его, напрочь отбивали желание сопереживать их участи.

Его нельзя было назвать по-настоящему холодным, просто жизнь научила его осторожности слишком рано. Пока родители не развелись, отец был богат, и толпы родственников буквально не чаяли души в нём и его матери. Но стоило отцу закрутить роман на стороне и бросить семью, как всё изменилось. Хотя виноват был только отец, вся родня, словно сговорившись, принялась обвинять мать в том, что она «не смогла удержать мужчину».

Лица окружающих сменились, как театральные маски. Сначала две тётки по отцу повадились приходить к ним домой, чтобы изводить мать придирками. Позже двоюродная сестра, тыча в него пальцем, со смехом дразнила его тем, что папа его бросил и какой он теперь «бедный и несчастный». Даже вторая тётя по матери, при муже выказывавшая Фу Сюню вежливость, за его спиной моментально становилась мегерой.

Впрочем, вспомнив, что второй дядя по матери относился к нему всё же чуть лучше остальных, Фу Сюнь заставил себя проявить терпение и расспросить о деталях.

— Дело вот в чём, — всхлипнула мать. — Один их сосед пробудил способности и сразу положил глаз на машину твоего дяди. А когда пришёл её отбирать, заметил твою двоюродную сестру. У дяди характер не сахар, он схватил сыновей и полез в драку. Но... среди тех был этот одарённый. Он сильно ранил твоего дядю. Что за изверги, неужели они совсем не боятся кары небесной?!

— Ладно, я понял. Скоро буду в городе. Сначала заскочу домой, а оттуда сразу к ним. Идёт?

Мать на мгновение замялась. Её разрывало между тревогой за брата и страхом за собственного

сына. Хотя она сама только что просила его помочь, теперь в сердце закралось горькое сожаление. Она испугалась: вдруг сил сына не хватит, чтобы совладать с бандитами?

Услышав, что он хочет сначала зайти домой, она с облегчением согласилась.

— Да, верно, я совсем голову потеряла от расстройств. Сначала возвращайся, а дома мы вместе что-нибудь придумаем.

Пока Фу Сюнь разговаривал с матерью, Гу Чэн невольно задумался о своей сестре. Она была настоящей красавицей, и он всерьёз опасался, что в его отсутствие на неё могут положить глаз всякие подонки. Поддавшись беспокойству, он выудил телефон и начал набирать номер прямо за рулем.

Младшая сестра Гу Чэна, Гу Сяосу, была ему сводной по отцу. Ирония судьбы заключалась в том, что ни Гу Чэн, ни Фу Сюнь не могли похвастаться хорошим отцом — на двоих не набралось бы и одного достойного примера. У Фу Сюня отец ушёл к любовнице, вычеркнув из жизни бывшую жену и сына. Отец же Гу Чэна косвенно стал причиной смерти его матери, а после поспешил привести в дом молодую пассию.

Из-за ранней утраты матери, безразличия мачехи и вечных вспышек агрессии со стороны отца Гу Чэн вырос человеком колючим и сложным. С родителями у него не было никакой душевной связи, а вот к сестре он прикипел всем сердцем. Жизнь Сяосу тоже была не сахар: как только у отца с мачехой родился общий сын, девочку буквально скинули на попечение старшего брата. Она росла, чувствуя себя сиротой при живых родителях.

Гу Чэн сделал несколько вызовов, прежде чем Сяосу наконец соизволила ответить.

— Ты почему так долго не брала трубку?!

Гу Сяосу только исполнилось шестнадцать. Разгар подросткового периода наложил свой отпечаток — характер у неё был тот ещё, с заметной долей бунтарства.

— Ты же сам сказал, что скоро отрубят свет и воду, — недовольно буркнула она. — Я всю прошлую ночь качала фильмы и книги, заснула только в пятом часу утра. Когда ты звонил, я дрыхла без задних ног и ничего не слышала.

— Какие ещё фильмы?! — взорвался Гу Чэн. — Что сейчас важнее: сериалы или еда и вода?

— Ой, да что ты понимаешь? Кино важно, и книги тоже! Я и дня не проживу в этой дыре без чего-нибудь почитать или посмотреть.

Гу Чэн лишь тяжело вздохнул. Свою кровиночку он не мог ни ударить, ни даже всерьёз отругать. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, он снова спросил:

— Продукты и воду, как я велел, заготовила?

— Заготовила. В первый же день сходила с тётенькой из соседней квартиры в супермаркет и набрала кучу всего. Но потом на улице начался кавардак, способностей у меня нет, так что я больше носа из дома не высывывала.

— Вот и умница. Я скоро буду, жди меня и никуда не выходи. Если услышишь шум за дверью, немедленно разворачивай своё убежище и прячься внутри.

Последние несколько дней Гу Чэн и Фу Сюнь были слишком заняты дорогой и рейдами по сундукам, чтобы следить за новостями в сети. У Сяосу же времени было предостаточно. Пока скачивались файлы, она безостановочно мониторила форумы и знала о ситуации куда больше брата. Идея развернуть убежище прямо сейчас ей совсем не нравилась.

— Если я поставлю убежище, его потом нельзя будет передвинуть, — возразила Сяосу. — На форумах знающие люди пишут, что в многоэтажках скоро станет опасно жить. Если я сейчас разверну дом в гостиной, я его фактически там и похороню. Считай, выброшу на помойку.

Гу Чэн начал терять терпение:

— И что с того? Ты на что надеешься? Думаешь сама его прокачать до мобильной версии? Гу Сяосу, у тебя что, способностей для этого вагон?!

— Сама я, может, и не справлюсь, но ты-то у меня герой! Я вот и подумала...

— Закатай губу! Даже не надейся, — отрезал Гу Чэн и решительно сбросил вызов.

Он прекрасно понимал, к чему она клонит. Сяосу начиталась историй о том, как братья, обзаведясь жёнами, выставляют сестёр за дверь, и панически боялась остаться ненужной. С ранних лет она пыталась выбить деньги у их непутёвого папаши, но мачеха, трясая над наследством для своего сына, жёстко контролировала все финансы и не давала падчерице ни юаня.

Денег от родителей не дождёшься, а жизнь самого Гу Чэна тоже не была роскошной. С одиннадцати лет Сяосу начала подрабатывать в их жилом комплексе: провожала детей в школу, подтягивала младшекласников по учёбе на каникулах, таскала воду и продукты одиноким старикам. За каждое поручение она брала сущие копейки — от пяти юаней до пары сотен в удачные дни. Соседи знали ситуацию в их семье и охотнее платили знакомой девчонке, чем заезжим курьерам.

Так ей удалось накопить кое-какие сбережения. Всё ради одной цели: не оказаться на улице, когда брат решит жениться. В их краях было негласное правило: как только сын вступает в брак, сёстры должны освободить жилплощадь. Конечно, были и те, кто судился с роднёй за

квадратные метры, но такие скандалы обычно заканчивались клеймом позора на всю жизнь. Сяосу не хотела ни ссориться с братом, ни становиться мишенью для сплетен, поэтому и пыталась подстраховаться заранее.

Хотя родители Гу Чэна не жаловали, дед перед смертью успел выгрызть для него старую, ветхую однушку. В этом плане Гу Чэн был в выигрышном положении — у него хотя бы был дед, который его любил. Сяосу же чувствовала себя сиротой при живых родителях. Появление системы «убежищ» стало для неё шансом обрести свой уголок, не имея за душой ни гроша. Отсюда и её план: уговорить брата помочь ей развить домик хотя бы до второго уровня, чтобы обрести хоть какую-то почву под ногами.

Гу Чэн понимал её страхи, но потакать им не собирался. Мир стремительно летел в бездну, и даже до наступления истинного апокалипсиса всё вокруг уже трещало по швам. Он не планировал строить собственное убежище, и уж тем более не собирался оставлять сестру одну. Его план был прост: держаться поближе к Фу Сюню. И дело было не только в его тайных чувствах — он интуитивно чувствовал, что вместе им будет безопаснее.

Поймав на себе взгляд друга, Фу Сюнь отложил телефон, в котором только что просматривал региональный чат.

— Ладно, — после недолгого молчания ответил он. — Пусть будет так. Лишь бы ты потом не пожалел.

— С чего бы мне жалеть? — буркнул Гу Чэн. — Неужели ты думаешь, что когда-нибудь прогонишь меня?

— Не прогоню.

— Тогда к чему эти разговоры? Или ты всё ещё сохнешь по этому Сун Сивэню и планируешь притащить его к нам?

Фу Сюнь опешил. Он с нескрываемым недоумением воззрился на Гу Чэна.

— С чего вдруг ты о нём вспомнил?

Какая мерзость!

Заметив, что отвращение во взгляде Фу Сюня было совершенно искренним, Гу Чэн немного успокоился. На этот раз он решил проявить благоразумие и не испытывать терпение друга.

— Ладно, забыли про него. Просто пообещай, что не выставишь меня за дверь. А если не уверен, я лучше сейчас начну своё убежище строить.

— Не выгоню, — твёрдо произнёс Фу Сюнь. — Если только сам не захочешь уйти. Отныне моё убежище — это и твоё убежище тоже.

Фу Сюнь говорил это без тени лукавства. В прошлой жизни он задолжал Гу Чэну целую жизнь, и пока тот не совершит чего-то запредельно ужасного, Фу Сюнь был готов прощать ему всё.

На душе у Гу Чэна сразу стало легко и светло. Он изо всех сил старался сохранить невозмутимый вид, лишь коротко бросив: «Понятно». Но предательская улыбка всё равно настойчиво просилась на его лицо. Он и представить не мог, что Фу Сюнь даст такое обещание. В этих словах... почему-то почудилось что-то неуловимо интимное.

<http://bllate.org/book/17154/1606574>